

"ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТЫХ ОДЕССИТОВ" Из новой книги

Что может быть проще кладбища — места компактного хранения отработанного "человеческого материала"? Когда близкий друг Миша Пойзнер подбивал меня готовить монографию об истории уничтоженного в 1930-х годах Старого городского кладбища Одессы, я понимал свою задачу, конечно, как не только скрупулезную исследовательскую, но и гуманитарную, нравственную. Ввязавшись, углубившись, многое переосмыслил. Скорее даже перечувствовал. Чтобы быть более или менее адекватно понятым, предлагаю следующую метафору: изначально планировался постановочный снимок, а в итоге получился репортажный, причем апокалипсический. На что-то мы такое замахнулись вселенское, непосильное. Всех не перехоронишь, не воскресишь. Таких разных одесситов, живших на пороховой бочке, от чумы к войне, от войны к холере, от холеры к геноциду.

Не потрешься среди людей, не узнаешь ни их, ни, что, может быть, значимее, себя. В этой "тёрке" меня обступали со всех сторон живее всех живых и ровнее всех ровных покойники, молчаливо наперебой заявлявшие о себе самую неповторимой рельефностью судеб. На этом погосте таких судеб скопилось не менее двухсот тысяч, и я был физически не способен не только переварить, но хотя бы озаглавить их.

В какой-то из дней преобразующегося в цинизм отчаяния набрал знаковый номер: "Что ж это ты... А еще называешь себя моим другом". Миша обеспокоенно озадачился: "Да что случилось?" — "А чего ты мне "Реквием" заказал?!". Посмеялись горько.

Написание территориальной истории кладбища — просто квалифицированная работа, кропотливая, рутинная, но не более того. Так, собственно говоря, и стряпают историю не каких-нибудь отдельно взятых некрополей, а целых городов, регионов и проч. — как неких декораций к опере, партитура которой давно утрачена и никогда не будет воссоздана. Я не очень оригинально называю подобную стряпню бухгалтерской эрудицией.

Общение с забытыми одесситами вдохновляло и одновременно вгоняло в депрессию: дальше кладбища не пойдешь — не только буквально, но в творческом плане. Какие еще высоты штурмовать после заоблачных кладбищенских низин...

Как-то я в себе бессильно и пристыжено разочаровался. Не оставалось ничего другого, как искать дежурный чертов смысл в поставленном над

всеми нами эксперименте. Вот они такие разнокалиберные, мои покойники, подумалось. И каждый по-своему сжигал жизнь, отламывая, отщипывая от себя по кусочку и бросая в топку, — кто с грустью, сожалением, истерически, кто с энтузиазмом и безоглядным любопытством. Какие убедительные примеры открывала эта нескончаемая галерея версий сжигания, возжигания, прожигания, как хотите... И в этой череде поставленных над собой опытов определенно брезжит какой-то смысл.

Моя "энциклопедия" — произвольная выборка вариантов сочетания случайного и закономерного в конкретной жизненной мозаике. Сколько ни пеняй на судьбу, а праздники и прочее спасение утопающих надо приближать собственноручно. Как говорили древние, счастье покровительства смелым. Эти смелые люди сделали город, которым мы бесцеремонно пользуемся в характерной для нас манере не различать за "памятниками архитектуры" и "объектами культурного наследия" нечто куда более достойное эмоционального внимания. Мы же камнями главным образом занимаемся, то собирая, то разбрасывая их — точно кости. Не хочу назидательности: это я не вам, это я себе втолковываю, поскольку много лет жизни сжег на регионально-историческое счетоводство, одержимое (маниакальное, как замечено по этому поводу в одном кинофильме), коллекционерское и даже снобистское увлечение мелочами.

Эту книгу я пишу для себя в качестве седативного средства, чтобы заморожено глядеть в догорающий костер. Персонажи пришли на ее страницы без спроса напрямик из небытия. "Их было много, нежных и любивших, и девушек, и юношей, и жен, ночей и звезд, прозрачно серебривших Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон..." Хорошо, что уголья еще не вполне прогорели, есть возможность раздуть, расшевелить их, набросать валежника и снова сладко дремать, чтобы незаметно крепко уснуть.

Первый герой второго плана

Теперь этот человек, как принято говорить, "один из": сподвижников Суворова, де Рибаса, де Волана, Ришелье, Ланжерона и других. Военный инженер Ферстер не выбился в заглавные исторические лица и, мягко говоря, мало популярен. Бессмысленно рассуждать о том, насколько это справедливо, ибо представление о справедливости едва ли корректно прилагать к равнодушному течению времени.

Егор Христианович (Иоганн-Георг) фон Ферстер, дворянин из Брауншвейга, масон, служил капитаном в прусской армии, и в 30-летнем возраст-

те (1786), перешел в российскую, получив незначительный офицерский чин подпрапорщика, однако в элитарном лейб-гвардии Преображенском полку. Далее — небольшие разночтения в трактовке карьеры. Судя по всему, Ферстер поначалу не был удовлетворен своим положением, и через год вышел в отставку. По другим сведениям, он оставил лейб-гвардию, и в чине капитана морского батальона сражался со шведами. С весны 1791 года Ферстер — в инженерном корпусе, с 1792-го направлялся начальством в длительные командировки, выполнял разнообразные задания в Севастополе, Тирасполе, Херсоне.

Как не причислить к основателям Одессы планировщика и строителя крепостей в Хаджибее и Овидиополе? Он был также начальником региональной инженерной команды, комендантом Овидиопольской крепости (1796). Происшедшие после кончины императрицы кадровые пертурбации коснулись и его, на рубеже веков Ферстер находился в отставке, но затем снова оказался востребованным. 31 августа 1800 года он сменил небезызвестного полковника Харламова в Комиссии отстройки гавани в Одессе, как начальник инженерной команды руководил строительством города и порта. Здесь еще в сентябре 1794 года, будучи капитаном, Ферстер одним из первых получил земельные участки под застройку непосредственно из рук де Рибаса и де Волана.

Построиться в строго оговоренные сроки на голом месте... Мало кому из первопроходцев это удавалось. Нарождающийся город был лишен элементарных ресурсов: строительных материалов, воды, мастеровых, гужевого транспорта, не говоря уже о топливе и продовольствии. Строительный лес, например, приходилось сплавливать по рекам, а затем вдоль морского берега, до устроенной на Пересыпи так называемой Лесной пристани и одноименного рынка. Не менее дорого обходилась ломка и доставка камня. Казенные здания и сооружения строились, в основном, силами солдат, тогда как для возведения пусть и небольших партикулярных домов, погребов, лавок требовались пришлые мастеровые, которых негде было даже поселить. Если состоятельные иногородние купцы еще могли себе позволить подобные расходы в расчете на грядущие барыши, то небогатым офицерам такое предприятие было не по карману, а кроме того, их часто перемещали по службе. Так случилось и с Ферстером: ему целиком поручили Овидиополь, и потому домостроительство в Одессе отложилось до начала 1800-х годов.

Возглавив инженерную команду, он руководил не только производством казенных работ по устройству порта, карантина, госпиталя, казарм

и проч., но и отводом земли под частные дома, магазины, промышленные и садоводческие заведения — с санкции муниципалитета, затем контролировал качество построек. В 1802 году Ферстер составил перспективный план застройки города, на который вынес реально существовавшие на тот момент здания и сооружения. Этот поразительный документ наглядно рисует Одессу в ее младенчестве: мы видим первозданные причалы формирующегося порта, недостроенный морской госпиталь в районе нынешнего бульвара Жванецкого, первые портовые пакгаузы, казенные и частные хлебные магазины в Карантинной балке, большую и малую крепости, солдатские казармы, офицерские флигеля, заложенные храмы, едва застроенные городские кварталы. В следующем году этот план был высочайше утвержден императором Александром Павловичем, и с тех пор всякие неоговоренные отступления от этого регламентирующего документа следовало согласовывать на том же уровне.

Тогда же, в 1803-м, герцог Ришелье с высочайшего соизволения сформировал Одесский строительный комитет, фактическим руководителем которого стал полковник Ферстер. Не надо думать, будто Комитет ведал исключительно строительными работами. Эта институция занималась градостроительством, то есть всесторонним обустройством Одессы, вплоть до финансирования певческой капеллы, городского часовщика и снабжения арестантов.

Но тут началась очередная турецкая кампания, и штатный инженер, многоопытный фортификатор должен был снова стать боевым офицером. В 1806 году с отрядом казаков Ферстер занял Аккерман, временно исполнял там обязанности коменданта, в декабре захватил Килию, в начале весны 1807-го производил инженерное обеспечение осады Измаила — строил редуты, батареи, наводил мосты. Получив ранение летом того же года, вынужден был удалиться на излечение, но скоро вернулся в строй. В 1809-м укреплял ряд черноморских крепостей, а 15 июня, командуя четырьмя батальонами, захватил Анапу, за каковой подвиг пожалован генерал-майором.

Огромное значение в эволюции Одессы сыграл план города, составленный Ферстером в 1811 году, в принципе — план военного назначения. При этом полукольцом охватывающая нынешний исторический центр линия оборонительных казарм с эспланадой удивительным образом создали все предпосылки для устройства будущей черты порто-франко. К слову, позднее Ферстер составил и два плана укрепления Киева, предусматривавшие реконструкцию старых и создание новых крепостей.

Грянул 1812-й год, и Ферстер получил назначение начальником инженеров в армию Багратиона, в боевой обстановке руководил укреплением позиций, строительством мостов, переправ и проч. Сражался под Смоленском, Малоярославцем, Березино, Красным, за храбрость при Бородине получил высокую награду — орден Святой Анны 1-й степени, к которому вскоре заслужил и бриллиантовые знаки. Участвовал в зарубежном походе против Бонапарта: наводил переправу через Вислу, осаждал Гамбург, был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, шведским орденом Меча и французским командорским крестом Почетного Легиона. Вернувшись в Россию и занимая высокие военно-инженерные должности, инспектировал и укреплял фортификационные сооружения в Бессарабии, где и скончался в 1826 году в чине генерал-лейтенанта.

Что касается приватной стороны, по всему видно, что супруги Ферстер в течение ряда лет жили раздельно. Луиза обитала в Одессе около 30 лет, оставив о себе хорошие отзывы — доброта, любезность, благочиние, неприязнительность в быту. За ней числилась и вся одесская недвижимость генерала, в частности, чудом сохранившийся до наших дней дом с колоннами на Торговой улице, близ Садовой, где ныне частично помещается медицинское училище. Изначально это были буквально первые лавки на площади Нового базара, построенные ранее 1809 года, фактически еще до официального основания этого рынка и планового устройства пяти его отделений. Ей же принадлежала и большая часть всего примыкающего квартала меж улицами Херсонской, Торговой и Садовой, где был разбит немалый сад. Однако с конца 1810-х Строительный комитет стал откусывать от этого сада кусок за куском, мотивируя тем, что генеральше не положено единолично владеть столькими незастроенными участками. То есть занимавший высокие посты Ферстер в расчет уже не брался как лицо лично не заинтересованное. А между тем на противоположной стороне Садовой генерал Кобле и вовсе владел целым кварталом, но к нему никто и не думал придирааться по аналогичному поводу.

В Одессе Ферстера оплакали запоздало — через 16 месяцев после кончины, в газетном некрологе по Луизе. А он, один из основателей порта и посада, создатель первого генерального плана города, храбрец, бессребреник, окончил свои скитальческие дни где-то на задворках.

